

КРИТЕРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются основные направления цифровизации уголовного судопроизводства. На основе анализа международных документов, зарубежного, российского законодательства и научных трудов определены тенденции использования информационных технологий в уголовном процессе, а также преимущества и недостатки их применения на различных стадиях. Особое внимание уделяется возможности использования электронных доказательств, электронного досье, а также искусственного интеллекта для расследования и принятия процессуальных решений по делу. Автор приходит к выводу о необходимости цифровизации умеренного характера, соответствующего назначению и принципам уголовного судопроизводства. В результате проведенного исследования предлагается внести ряд дополнений в уголовно-процессуальное законодательство, включающие порядок, основания и критерии использования информационных технологий, а также гарантии для участников уголовного судопроизводства в связи с их применением.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, информационные технологии, электронные доказательства, искусственный интеллект, оценка доказательств, гарантии прав.

THE CRITERIA OF USING INFORMATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The author examines key directions of digitizing criminal proceedings. An analysis of international documents, foreign, Russian legislation and research publications is used to determine the trends of using information technologies in criminal proceedings, as well as the advantages and disadvantages of using them at different stages. Special attention is paid to the possibility of using electronic evidence, electronic dossier, as well as artificial intelligence for investigating and making procedural decisions on a case. The author concludes that it is necessary to have moderate digitization, which will correspond to the purposes and principles of criminal proceedings. Based on the conducted research, the author suggests introducing some amendments to the criminal procedure legislation, which will include the procedure, grounds and criteria of using information technologies, as well as the guarantees connected with their use for the participants of criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, information technologies, electronic evidence, artificial intelligence, assessment of evidence, guarantee of rights.

Экономические, социальные, информационные преобразования в России стали основой для формирования цифрового общества, развития свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти, органов местного самоуправления. В целях регулирования процесса использования информационных технологий с учетом потребностей, интересов граждан и общества, обеспечения безопасности личности в цифровом пространстве был принят ряд документов: Окинавская хартия глобального информационного общества (2000 г.), Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003 г.), План действия Тунисского обязательства (2005 г.). Вслед за международными актами принципы и направления цифровизации были отражены в Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 № 203¹. В соответствии с данным документом технологии, созданные на основе передовых знаний (нано- и биотехнологии, оптические технологии, искусственный интеллект, альтернативные источники энергии), стали более доступными и распространили своё применение на различные сферы жизни общества, в том числе, связанные с деятельностью правоохранительных и судебных органов в ходе уголовного судопроизводства. Между тем, внедрение цифровых технологий в уголовный процесс России имеет определенные особенности, обусловленные консервативностью, самобытностью этой отрасли, а также традициями, ментальными, духовно-нравственными, национальными и религиозными особенностями российского общества.

На основе анализа литературы и законодательства можно выделить следующие направления цифровизации уголовного процесса в России [1, с. 4]. Во-первых, использование цифровых технических средств в качестве средства фиксации преступного поведения лица в ходе оперативно-розыскных мероприятий, а также для получения доказательств (аудио-, видеозаписи, информация о соединениях абонента, о передвижениях владельца технического устройства и другие). Во-вторых, создание новых и преобразование существующих следственных действий (проведение допроса с использованием технологий дистанционного общения (видеоконференц-связи), использование мобильных приложений при проведении осмотра места происшествия, применение технических средств для осмотра труднодоступных мест и т.д.). В-третьих, оптимизация взаимодействия между правоохранительными, судебными органами, участниками уголовного судопроизводства (система электронного документооборота в правоохранительных и судебных органах, разработка и применение специального программного обеспечения для создания доказательств). В-четвертых, прогнозирование и создание уголовно-правовой и уголовно-процессуальной

¹ Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

политики государства на основе математических моделей изучения преступности и статистики расследования противоправных деяний.

Если обратиться к зарубежному законодательству, то можно отметить более широкое применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве по сравнению с Россией. Так, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.05.2020 г.) допускается использование электронных документов (документы, в которых информация предоставлена в электронно-цифровой форме и удостоверена посредством электронной цифровой подписи, п. 15 ст. 7, 395 УПК Республики Казахстан) в качестве протоколов следственных и процессуальных действий, решений должностных лиц, в том числе приговоров по делу; защитнику предоставляется право с использованием научно-технических средств опросить с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к уголовному делу, ход такого опроса можно отразить на электронном носителе (п. 5 ч. 3 ст. 122 УПК Республики Казахстан); к лицу, в отношении которого избрана мера пресечения, могут быть применены электронные средства слежения (ст. 137 УПК Республики Казахстан).

В уголовном процессе Германии с внедрением цифровых технологий произошли значительные изменения в области документооборота. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу ФРГ от 1 октября 1879 г. (по состоянию на 2019 г.) по каждому уголовному делу формируется электронное досье, в нем содержатся не только оцифрованные документы, но и процессуальные акты, изначально вынесенные в электронной форме: обвинительное заключение, судебный приказ, заключение прокурора (данные документы могут быть письменной формы только в случае технической невозможности их изготовления). В статье 32f УПК ФРГ установлено, что всем заинтересованным в разрешении уголовного дела лицам (участники уголовного процесса) могут предоставляться распечатки содержимого файлов или цифровой носитель информации с записанными на него данными. У защитников появилась возможность получить электронные версии документов на свой специальный ящик электронной почты (ст. 147 УПК ФРГ). В целях преодоления возможного злоупотребительного поведения со стороны властных субъектов по предоставлению достоверных электронных данных защитник и обвиняемый в соответствии с п. 2 ст. 487 УПК ФРГ вправе провести сверку исходных документов и доказательств с их электронными аналогами, предоставленными им из электронного досье.

В Швейцарии нормативное регулирование получили следующие направления информатизации уголовного судопроизводства [2, с. 88]: 1) внедрение в уголовно-процессуальную деятельность электронных систем идентификации, позволяющих государственным органам хранить и использовать с целью идентификации личности биометрические данные: дактилоскопические данные (отпечатки пальцев, ладоней и краев ладони); дактилоскопические следы, которые находятся во взаимосвязи с уголовно наказуемым деянием; фотографии; описание примет личности (Положение об обработке биометрических данных в служебных целях от 6 декабря 2013 г.); 2) развитие электронного документооборо-

та в уголовном процессе, включающего в себя возможность участников уголовного судопроизводства подавать некоторые процессуальные документы на электронном носителе, а также получать материалы, содержащиеся в уголовном деле, посредством электронной почты с ее официальным криптографическим паролем (ч. 2 ст. 39 УПК Швейцарии); 3) использование видеоконференц-связи при производстве допроса на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса (ст. 144 УПК Швейцарии); 4) появление в уголовно-процессуальном законодательстве Швейцарии такого следственного действия, как наблюдение за банковскими отношениями, заключающегося в предоставлении прокуратуре информации и документов от банка или иного финансового институтов в целях противодействия финансированию терроризма и легализации доходов, полученных преступным путем.

Необходимо отметить, что вышеперечисленные пути цифровизации уголовного судопроизводства получили различную оценку со стороны ученых и практиков. Согласно первой позиции, применение информационных технологий в уголовном процессе локально, и дальнейшая оптимизация судопроизводства не повлияет на сущность, принципы расследования и правосудия по уголовным делам [3, с. 16]. В соответствии с другой позицией институты и системы, созданные в эпоху индустриального общества со временем становятся не актуальны, в связи с чем должна появиться новая «система мысли», которая окажет влияние на правовую природу уголовно-процессуальной деятельности [4].

Анализируя вышеуказанные противоположные позиции можно выделить общие положения, из которых исходят ученые-процессуалисты. С одной стороны, в доктрине указывается на возможность широкого использования новых технологий для предупреждения, расследования и раскрытия преступлений, в процессе доказывания, при розыске лица, для оптимизации, повышения качества и эффективности работы правоохранительных органов и судов при принятии юридически значимых решений [5, с. 114]. В то же время подчеркивается, что задача цифровизации не должна заключаться в замене процессуальной формы, выхолащивании традиционных гарантий установления обстоятельств по делу [6, с. 30], вследствие чего внедрение информационных технологий должно осуществляться с учетом особенностей и назначения уголовного судопроизводства.

В соответствии со ст. 6 УПК РФ назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Данное положение пронизывает весь уголовный процесс, и означает, что уголовно-процессуальная деятельность его участников должна быть направлена на достижение закрепленного назначения.

Между тем, в литературе не сложилось единого подхода относительно критериев использования информационных технологий, которые бы соответствовали сущности и принципам уголовного судопроизводства.

Так, Л.А. Воскобитова указывает, что такими критериями могут стать: 1) объективные характеристики уголовного судопроизводства; 2) формализация того или иного фрагмента процессуальной деятельности, производство отдельных действий, принятие решений при отсутствии вреда правам, законным интересам лиц, публичным интересам с учетом целей и задач стадий уголовного процесса; 3) усиление гарантий прав и свобод человека вовлекаемого в уголовный процесс при одновременном ускорении производства, упрощении отдельных процедур, экономии человеческих ресурсов [7, с. 97].

Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин дополняют этот перечень следующими критериями применения цифровых технологий: 1) добровольное использование каналов электронного взаимодействия для подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей, а также для иных частных лиц при наличии для них альтернативных вариантов; 2) обязательное использование каналов межведомственного электронного взаимодействия для государственных органов и должностных лиц – участников уголовного судопроизводства; 3) обеспечение достоверности идентификации заявителя при удаленном доступе к информационным ресурсам обеспечения уголовно-процессуальной деятельности; 4) разграничение прав доступа к информационным ресурсам в сфере уголовного судопроизводства; 5) закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве нравственных начал: приоритет защиты жизни, прав и свобод человека, гуманизм, справедливость, взаимопомощь и другие [5, с. 33–38].

Представляется, что критерии использования информационных технологий следует классифицировать на общие, на которых основано формирование цифровой среды в целом, и специальные, характерные только для сферы уголовного судопроизводства.

К общим можно отнести следующие. Во-первых, обеспечение прав граждан на доступ к информации. Во-вторых, установление свободы в выборе средств получения сведений. В-третьих, гарантия законности, обоснованности и разумности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях. В-четвертых, приоритет традиционных морально-нравственных ценностей при использовании цифровых технологий. В-пятых, обеспечение защиты прав и законных интересов частных лиц в информационной среде.

Специальные критерии имеют своим назначением дополнить систему общих, конкретизируя её с учетом правовой природы и особенностей уголовно-процессуальной деятельности.

Необходимо отметить, что в уголовном процессе особую роль играет познание и доказывание, направленные на получение достоверного знания с помощью логических, исторических, статистических и других методов мышления. При этом такой вид деятельности ярко проявляется в ходе оценки доказательств, где на принятие процессуального решения оказывают влияние не только конкретные фактические обстоятельства, законодательные положения, но и внутреннее убеждение властного субъекта. Например, И.Я. Фойницкий писал: «Оценка доказательств есть умственная деятельность, разрешающаяся сомне-

нием или убеждением; впечатление есть продукт одних и тех же чувственных восприятий, непроверенных умственным процессом. Не следует смешивать решение дела по системе свободной оценки доказательств с решением его по непосредственному впечатлению» [8, с. 188]. М.С. Строгович рассматривал внутреннее убеждение как способ получения объективной истины по делу, как «разумную, осознанную, обоснованную уверенность в правильности определенного вывода, опирающуюся на объективные факты и достигаемую в результате вдумчивого, непредвзятого и всестороннего исследования всех обстоятельств дела» [9, с. 345].

Ю.В. Корневский считает, что внутреннее убеждение следователя, прокурора и судьи является критерием истины в правосудии [10, с. 60]. Следует согласиться с позицией М.К. Свиридова, что под истиной необходимо понимать «адекватное отражение в выводах суда того, что произошло в действительности, при этом выводы суда должны быть основаны на реально существующих доказательствах» [11, с. 142]. Ученый отмечает, что ценность таких доказательств начинает формироваться на стадии предварительного расследования и приобретает завершённый вид в судебном заседании «посредством исследования представленных следователем доказательств на новой, более качественной основе» [12, с. 8].

В уголовном судопроизводстве встречаются случаи противоречивости, неоднозначности установленных фактов и собранных доказательств. Кроме того, вследствие многовариантного поведения лиц, правовые нормы не являются универсальными, подходящими к различным жизненным обстоятельствам, в некоторых случаях к одной ситуации могут быть применимы разные правовые положения. В связи с этим возникает опасность появления судебных и следственных ошибок, принятия несправедливого, необоснованного решения по делу и нарушения прав человека, если принятие решений и/или совершение процессуальных действий будет осуществлять машина, запрограммированная и действующая на принципах формализма, предельного упрощения и однозначности вариантов решений.

Убедительной представляется позиция корейского исследователя Хошин Вон, считающего, что «искусственный интеллект не может служить заменой человеческому разуму или человеческому чувству справедливости. Исход судебного разбирательства — это не вопрос вероятности, а реальная жизнь людей, обращаться с которой должны другие люди, которые способны учитывать практические последствия принятия юридически значимых решений. Независимо от того, как могут развиваться передовые технологии, такие технологии не могут принимать решения за людей и судить их» [13, с. 135].

Следует подчеркнуть, что применительно к уголовному судопроизводству все сказанное одновременно относится и к судье, и следователю/дознавателю, которые также принимают процессуально значимые решения, имеющие юридические последствия для участников процесса. В ходе уголовно-процессуального познания, оценки доказательств властные субъекты исходят не только из формальных положений, но и индивидуальных знаний, опыта, профессионализма, эмоционального состояния при исследовании фактов и дру-

гих факторов, в связи с чем искусственный интеллект не может полностью заменить человека. Между тем, стоит согласиться с позицией Л.А. Воскобитовой, что машина может быть использована не в замену, а в помощь следователю или судье, например, для поиска оснований для принятия решений и максимально возможного набора вариантов; для дополнения анализа обстоятельств дела анализом правоприменительной практики, материалов аналогичных случаев и их решений, если они имеются в базе данных, и т.п. [7, с. 100].

Необходимо отметить, что цифровые технологии могут стать способом получения нового вида доказательств – электронных. В этом случае возникает вопрос относительно оценки допустимости и достоверности таких доказательств. Компьютерные технологии не являются совершенными, вследствие чего возможны технические ошибки, для устранения которых требуется разработка эффективного программного обеспечения, способного хранить большой объем данных в безопасности, исключая утрату имеющихся доказательств. В руководящих принципах в отношении электронных доказательств в гражданском и административном судопроизводстве, принятых 30 января 2019 г. Комитетом министров Совета Европы, указывается, что при использовании электронных доказательств необходимо учитывать «более высокий риск потенциального уничтожения или потери электронных доказательств по сравнению с неэлектронными»; требуется устанавливать адекватные «процедуры для безопасного изъятия и сбора электронных доказательств» (п. 11); «электронные доказательства должны собираться надлежащим и безопасным образом и представляться в суды с использованием надежных услуг, таких как услуги по проверке надежности» (п. 10). Более того, Комитет министров Совета Европы подчеркнул, что «обращение с электронными доказательствами не должно быть невыгодным для сторон или давать несправедливое преимущество одной из них».

В целях обеспечения безопасности хранения и использования электронных доказательств, в указанном документе обращается внимание необходимость создания специальных услуг по проверке надежности электронного доказательства, по обеспечению их консервирования, а также архивирования по окончании производства по делу. Представляется, что применительно к уголовному судопроизводству для реализации данных рекомендаций необходимо закрепление в законодательстве положений: 1) о праве сторон воспользоваться альтернативными вариантами хранения материалов (в письменном виде); 2) о дублировании материалов уголовного дела в электронном формате с согласия сторон; 3) о возможности использования доказательств на цифровом носителе только при наличии индивидуализированного оригинала-первоисточника, отвечающего свойствам относимости, допустимости и достоверности.

Таким образом, на основе вышеизложенного можно прийти к выводу о том, что использование цифровых технологий в уголовном судопроизводстве возможно при достижении с помощью них назначения уголовного процесса: лицо, виновное в совершении преступления, было выявлено и привлечено к уголовной ответственности, подверглось справедливому наказанию, а невиновное – освобождено от уголовной ответственности и реабилитировано, права и

законные интересы потерпевшего получили надлежащую защиту, в том числе посредством возмещения причиненного ему вреда; права лиц, вовлеченных в уголовное преследование, не были нарушены или необоснованно ограничены. Кроме того, при модернизации уголовного процесса необходимо исходить из базовых конституционных принципов, провозглашающих, что права и свободы человека являются высшей ценностью, а их защита – приоритетной задачей государства в лице государственных, правоохранительных и судебных органов.

В связи с этим уголовно-процессуальное законодательство должно содержать перечень допустимых информационных технологий, порядок, основания и условия их применения. При этом следует отметить, что современные цифровые возможности становятся доступными не только для властных субъектов, но и для частных лиц в уголовном судопроизводстве, что усиливает состязательное начало в уголовном процессе, способствует повышению активности его участников. Для обеспечения процессуального равенства сторон в условиях информатизации уголовно-процессуальное законодательство необходимо дополнить рядом гарантий, обеспечивающих баланс частных и публичных интересов. В частности, получение согласия на использование цифровых технологий у участников уголовного судопроизводства, возможность обжалования действий должностных лиц по применению технических средств, правомочие на использование альтернативных традиционных вариантов фиксации и хранения информации.

Кроме того, полученные электронные доказательства не должны иметь заранее определенную оценку, их значимость для разрешения уголовного дела определяется судом на основе закона и внутреннего убеждения, а не с помощью исключительно искусственного интеллекта. Решения правоохранительных и судебных органов в любом случае должны быть законными, обоснованными и мотивированными, в основе которых не может лежать только конкретное электронное доказательство. При этом в каждом конкретном случае должностные лица разрешают вопросы о приемлемости, подлинности и целостности, надежности, актуальности электронного доказательства с точки зрения как самого источника, так и содержания цифровой информации. Иное будет противоречить принципам уголовного процесса, в частности, презумпции невиновности и может привести к злоупотреблениям со стороны властных субъектов, которые в силу публичности, сохраняют за собой преимущественное право по распоряжению предметом уголовного процесса.

Список использованной литературы

1. Ануфриева Е.А. Основные направления цифровизации уголовного процесса в России / Е.А. Ануфриева, Т.В. Омельченко // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Симферополь, 2019. – С. 4–5.
2. Трефилов А.А. Информатизация уголовного процесса Швейцарии / А.А. Трефилов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 2. – С. 87–92.

3. Головкин Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? / Л.В. Головкин // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 1. – С. 15–25.

4. Колоколов Н.А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Мельникова Евгения Александрович «Уголовное преследование в условиях действия системы разделения властей (досудебное производство)»... / Н.А. Колоколов. – URL: <https://msal.ru/upload/mam/00disser/2016/Melshkov/Otzyv%20официального%20оппонента%20Н.А.%20Колоколова.pdf>.

5. Колесник В.В. Об оптимизации формы уголовно-процессуального доказывания с использованием цифровых технологий / В.В. Колесник // Вестник российского университета кооперации. – 2018. – № 4 (34). – С. 112–115.

6. Гаврилин Ю.В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества / Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 27–38.

7. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л.А. Воскобитова // Lex Russica. – 2019. – № 5 (150). – С. 91–104.

8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996. – Т. 2. – 607 с.

9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.

10. Корневский Ю.В. Актуальные проблемы доказывания в уголовном процессе / Ю.В. Корневский // Государство и право. – 1999. – № 2. – С. 55–62.

11. Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве / М.К. Свиридов // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 353. – С. 142–147.

12. Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве / М.К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2011. – Ч. 51. – С. 3–8.

13. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / П.М. Морхат. – Москва, 2018. – 420 с.

References

1. Anufrieva E.A., Omelchenko T.V. Key directions of digitizing criminal process in Russia. *Problemy polucheniya i ispol'zovaniya dokazatel'stvennoi i kriminalisticheskoi znachimoi informatsii*,: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of Acquiring and Using Evidential and Criminalistically Relevant Information. Materials of International Research Conference]. Simferopol, 2019, pp. 4–5. (In Russian).

2. Trefilov A.A. Informatization of the Criminal Process of Switzerland. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2019, no. 2, pp. 87–92. (In Russian).

3. Golovko L.V. The Digitalization in Criminal Procedure: Local Optimization or Global Revolution? *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2019, no. 1, pp. 15–25. (In Russian).

4. Kolokolov N.A. Otzyv ofitsial'nogo opponenta na dissertatsiyu Mel'nikova Evgeniya Aleksandrovich «Ugolovnoe presledovanie v usloviyakh deistviya sistemy razdeleniya vlastei (dosudebnoe proizvodstvo)»... [Report of the official opponent to the dissertation thesis of Yevgeni Alexandrovich Melnikov «Criminal prosecution in the conditions of the separation of powers (pretrial proceedings)»...]. Available at: <https://msal.ru/upload/mam/00diss/2016/Melshkov/OTZЫВ%20официального%20оппонента%20Н.А.%20Колоколова.pdf>.

5. Kolesnik V.V. On Optimizing the Form of Criminal Procedural Evidence Using Digital Technologies. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2018, no. 4 (34), pp. 112–115. (In Russian).

6. Gavrilin Yu.V., Pobedkin A.V. Modernization of Criminal Procedure in the Information Society. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 3 (51), pp. 27–38. (In Russian).

7. Voskobitova L.A. Criminal Justice and Digital Technology: Compatibility Issue. *Lex Russica*, 2019, no. 5 (150), pp. 91–104. (In Russian).

8. Foinitskii I.Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [A Course in Criminal Court Procedure]. Saint Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 2. 607 p.

9. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [Course of Soviet Criminal Process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1. 470 p.

10. Korenevskij Yu.V. Actual Problems of Proving in Criminal Procedure. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 1999, no. 2, pp. 55–62. (In Russian).

11. Sviridov M.K. Establishment of the Truth in the Course of Trial. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2011, no. 353, pp. 142–147. (In Russian).

12. Sviridov M.K. Determining the truth at the preliminary investigation in court proceedings. *Pravovye problemy ukrepleniya rossiiskoi gosudarstvennosti* [Legal Issues of Strengthening Russian Statehood]. Tomsk, 2011, pp. 3–8. (In Russian).

13. Morkhat P.M. *Pravosub'ektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noi sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problem. Dokt. Diss.* [The legal personality of artificial intelligence in the sphere of the law of intellectual property: civil law problems. Doct. Diss.]. Moscow, 2018. 420 p.

Информация об авторе

Желева Ольга Викторовна – кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), Российская Федерация, г. Томск, e-mail: zheleva.olga@gmail.com.

Author

Zheleva, Olga V. – Ph.D. in Law, Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure, Prosecutor Supervision and Law Enforcement, National Research Tomsk State University (NR TSU), Tomsk, the Russian Federation, e-mail: zheleva.olga@gmail.com.